

НЕ Только ДЕТЕКТИВ

Сборник
яркой
малой
прозы
к юбилею
автора.

СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВ

Сергей Витальевич Литвинов

Не только детектив

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49827366
Не только детектив: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-109553-6

Аннотация

В сольный проект Сергея Литвинова вошли рассказы и очерки в разных жанрах, написанные за сорок лет творческой работы. Представитель яркого литературного дуэта мастеров современной остросюжетной прозы – Анны и Сергея Литвиновых – раскрывается в этой книге с новой, неожиданной стороны.

Содержание

Предисловие	5
I. Отдел сатиры и юмора	12
I.I. Застой	12
Сказка про крокодила	12
Тест	16
Скромность	17
Противоядие	19
Враль	20
Неудачный ребенок	22
Кто нашел часы?	24
Буркин и море восхищения	27
Золотые руки	28
«Хотя видит иначе...»	30
Снежный человек	31
Крепкий выпускник	35
Хоть на край света	38
Счастливчик	40
Фрида, скажи Рите	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Литвинов

Не только детектив

© Литвинов С.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*** * ***

Предисловие

Уважаемая публика знает меня как мужскую часть литературно-криминального дуэта «Анна и Сергей Литвиновы».

Да, это была, конечно, блестящая идея (справедливости ради – пришедшая в голову моей родной и любимой сестре Ане): объединиться в творческий тандем. Поручкой тому, что задумка оказалась удачной, стали опубликованные за двадцать лет совместной работы более чем семьдесят романов, вышедших суммарным тиражом свыше одиннадцати миллионов экземпляров.

Но помимо коллективного творчества каждый из нас писал (и пишет) что-то соло. Я настрочил, наверное, больше просто потому, что старше моей замечательной сестры и соавтора на одиннадцать лет. И до того, как мы стартовали вместе, уже имел кое-какую писательскую и журналистскую биографию.

Перечитав сейчас рассказы и очерки, написанные единолично, я счел, что они могут стать интересными для широкого, что называется, круга читателей. И не только в силу органически присущих им (скромно скажем) литературных достоинств. Ведь, взятые вместе, они представляют собой своего рода памятник времени, в котором мы жили.

В самом деле! Первый рассказ, включенный в сборник, был написан в 1978 году. Тогда Брежневу как раз вручили

орден «Победа», на экраны вышел фильм «Мимино», а Карпов играл матч за звание шахматного чемпиона с «перебежчиком» Корчным. Разумеется, приметы тех баснословных годов в том романтическом и ироничном рассказике «Сказка про крокодила» отразились. Так же как время оставило свой отблеск на всех публикуемых здесь вещах.

Рассказы и очерки, вошедшие в книгу, последовательно отражают все четыре эпохи, которые мне, совместно со многими из вас, довелось прожить: Застой, Перестройку, Девяностые и нынешнюю Стабилизацию (называемую иными злыми языками Стабилизец).

Поэтому в книге – четыре раздела. Но не только – согласно временам, в которых вещи писались. Еще и – по жанрам.

Я входил – а точнее сказать, протыривался или проскальзывал – в советскую литературу двадцатилетним мальчиком. И тогда – об этом знали все сведущие и, без зазрения, учили новичков – легче всего проходили в печать, через заслоны редакторов и цензуры, юмористические, иронические вещи. Во всех без исключения газетах и журналах существовал «отдел сатиры и юмора». Даже в «Советской торговле», «Советском шахтере» и «Лесной промышленности». Наиболее известный – «Клуб 12 стульев» в «Литературной газете». На самых высоких позициях стоял так называемый «журнал политической сатиры» – «Крокодил». Весь СССР утром в воскресенье слушал передачу отдела сатиры и юмора Всесоюзного радио «С добрым утром!», а по будням по «Маяку» –

«Опять двадцать пять».

Признаться, *сатиры* во всей тогдашней продукции многочисленных *отделов сатиры* (и юмора) встречалось мало-вато. Изю всех стволов палили (как и сейчас) в основном по американским империалистам. А по части внутренних недостатков – узок оставался круг разрешенных тем. К печати, например, не допускались даже такие словосочетания, как «бутерброд с колбасой», или «с сыром», или даже «с маслом» (надо было с «килькой», чтобы не дразнить измученное нехватками народонаселение). Нельзя было героя юморески назвать Леней – чтоб не было аллюзий и контаминаций с царствующей особой... И тому подобное. Однако в дозволенных пределах – юмор, ирония, зубоскальство процветали пышным цветом.

По счастью, мне легко и счастливо давались ироническая интонация и сам жанр короткой, парадоксальной истории с неожиданной концовкой. Рассказы и рассказыки, вылетавшие из-под моего пера в начале восьмидесятых, вдруг стали много и бурно публиковать. Они выходили и в том самом «Крокодиле», и в вышеупомянутом «Клубе 12 стульев», и в «Московском комсомольце». Но более всех – в «Студенческом меридиане», где существовал один из самых ярких и вольнолюбивых юмористических разделов, возглавляемый Владимиром Слуцким. Поэтому практически все рассказы, представленные в первой части настоящей книги, появлялись на страницах советской партийной (а потом антисовет-

ской и антипартийной) печати.

Иное дело – рассказы/повести/романы серьезные. Их новичку протащить в печать в позднем Союзе представлялось практически невозможным. На страницах журналов и книг царил невозможный, ходульный советизм. Те, кто пробивался из настоящих авторов (Аксенов, Астафьев, Распутин, Белов, Стругацкие, Катаев, Искандер...), делали это с болью и кровью. Если пробивались, конечно. Я был не классикам чета. Хотя тогдашние запреты сейчас кажутся просто смешными. И недалекими. Вот вы прочтете здесь рассказ «В траве сидел кузнечик», который я написал в 1980 году. Кому я только его тогда не показывал, каким только писателям, редакторам, руководителям литературных студий и объединений, в какие только редакции не стучался. Но звучал единодушный вердикт: «Рассказ хороший, и даже очень, но его никто не напечатает». Почему? Вы сами удивитесь: что там, спрашивается, такого страшного-антисоветского? Да ничего, кроме ощущения безнадеги от всеобщей фальши и лицемерия – особенно, наверное, неприемлемого ответственным редакторам оттого, что герои истории (как и автор) совсем юны. Поэтому так и долежал рассказ в столе до нынешних времен. Его, как и несколько других серьезных вещей, написанных в советские годы, я публикую здесь впервые. (Для остальных – еще не подошло время.)

Девяностые годы – пора, когда всем нам потребовалось выживать. Но те времена ознаменовались удивитель-

но свободной, распрямленной и раскованной журналистикой (невиданной в нашем Отечестве ни до, ни после). И я счастлив, что в девяностые имел право и возможность писать и публиковаться легко и открыто. Волею судеб я трудился тогда в журнале «Смена», который был популярен в застой, приумножил число читателей в перестройку – а в девяностые боролся, вместе со всей страной, за достойную и счастливую жизнь, не опускаясь при этом до злобной политики или разнузданной сексухи. Какие-то вещи, написанные в те годы, устарели, какие-то – носили слишком утилитарный характер. Однако несколько очерков, на мой скромный взгляд, не состарились. Их я тоже отобрал для данной книги и предлагаю вам на суд.

Тут ведь еще какая интересная штука! И первый из жанров, представленных здесь, – короткие юмористические, иронические рассказы, и последний – очерки, большей частью путевые, – оба они нынче практически умерли. Или, скажем точнее, впали в анабиоз. Жанры эти почти не представлены сейчас на страницах российской печати – тем, возможно, будет интереснее, когда и если они оживут. И в этом смысле – как памятник ушедшим формам – прочитать вышесказанные рассказы и очерки будет, надеюсь, поучительно.

И наконец, в нынешние времена – несмотря на то, что мы с моей великолепной сестрой и соавтором Аней плотно заняты своим непосредственным делом: пишем для вас остро-

сюжетные романы/рассказы/повести, – нам все-таки удается каждому создавать кое-что, отдельное от другого. Это – и заметки в фейсбуке, и дзен-канал, что ведет Аня. Это – и рассказы (в основном мемуарного – или псевдомемуарного – характера), которые я написал для различных сборников, выходявших в издательстве «Эксмо». Их я тоже предлагаю вам на суд.

И в заключение вступительного слова хотелось бы отдать должное тем, без которых не состоялась бы эта книга – а я не состоялся бы как автор. Хочу поблагодарить всех моих редакторов – и ныне здравствующих, и безвременно ушедших.

Это – Гоги Мухранович Надарейшвили, который взялся пестовать меня, семнадцатилетнего мальчика, в газете «Лесная промышленность». Мои редакторы – из того же издания – Вадим Дмитриевич Соколов и Юрий Максимович Некрасов (которых, к сожалению, уже нет среди нас).

Это – Владимир Слуцкий, который самый первый мой рассказ (ту самую «Сказку про крокодила») напечатал в «Студенческом меридиане» и потом взял для публикации еще много, много моих историй. Это – Михаил Казовский, который придумал «Крокодилский лицей» и долго вел его. Дмитрий Иванов и Владимир Трифонов (оба, к сожалению, почившие), что стали моими наставниками в этом «Лицее».

В журнале «Смена» меня пестовали Владимир Анисимов и Валерий Гуринович (оба, они, увы, предстали перед Господом в достаточно молодом возрасте, в те самые де-

вяностые). Глубоко благодарен я также главному редактору «Смены» (который руководит журналом до сих пор!) Михаилу Григорьевичу Кизилу.

Хочу также выразить глубочайшую признательность – коллегам, которые подали идеи и для очерков последних лет, и для этой книги: Ольге Аминовой, Анне Антоновой, Ирине Архаровой. Спасибо нашей (с Аней Литвиновой) постоянному редактору Анне Гедымин.

И наконец, низкий поклон двум очень разным прекрасным женщинам, каждая из которых, своим образом и в своем стиле, держит меня на плаву, помогает, пестует, заботится, вдохновляет: моей сестре и соавтору Анне и моей верной и многолетней супруге Светлане.

Спасибо всем, мои дорогие.

I. Отдел сатиры и юмора

I.I. Застой

Сказка про крокодила

Толик снял трубку, набрал номер. Гудков не было, но через шорох эфира стали слышны голоса: телефонная станция подключила его к постороннему разговору.

Говорили юноша и девушка. Они явно были не знакомы. Он убеждал ее в необходимости свидания с ним. Он говорил, что срочно уезжает в Африку и что ему не на кого оставить любимого крокодила Тошу. Она отнекивалась, но потом напор и бархатность его голоса победили, и они уговорились встретиться завтра в пять у афиши кинотеатров, как раз возле метро, где жил Толик. Юношу с бархатным голосом звали Саша, а девушку – Лена.

Толик грустно повесил трубку. Он знал этот способ знакомства. Так обычно знакомились мускулистые, джинсовые, самоуверенные парни. Они добывали телефоны хорошеньких девушек и настойчиво выясняли, работает ли баня, или предлагали купить крокодила.

А Толик не умел знакомиться с девушками по телефону.

На улице он тоже никогда незнакомился. Однажды он повстречался в ресторане с женщиной лет тридцати и проводил ее до электрички. Этот факт он всегда вспоминал с гордостью.

А вообще Толик был умен, неуклюж и застенчив.

И с грустными мыслями о предстоящем завтра совсем другим людям свидании он улегся спать в своей молодой холостяцкой квартире.

А назавтра был ароматный и свежий весенний день. Все таяло, звенело, брызгало, светилось. Люди куда-то спешили, веселились, обдавая других своею веселостью.

И неожиданно для себя в половине пятого Толик вышел из дому и направился к метро. Ноги сами несли его.

Он остановился у афиши. Людей не было. Угол ее отклеился и хлопал на ветру, показывая коричневую клееную изнанку.

– Так где ваш крокодил? – услышал Толик и оглянулся. Спрашивала девушка, она смотрела на него весело и открыто.

Чувство радости и свободы, казалось, волнами исходило от нее.

– Он со мной, в портфеле, – неожиданно выпалил Толик и смутился. Она улыбнулась, и Толику вдруг стало легко и свободно. – Знаете что? Крокодилу ежедневно надо гулять. По два часа. Давайте его прогуляем? – Он сказал это неожиданно для себя и смутился.

– Идет, – весело согласилась девушка.

Толик вдруг взял ее под руку. Для него это был подвиг.

– А ошейник у вас есть?

– У меня? – с ужасом спросил Толик.

– У него, – засмеялась она, показывая на портфель.

– Нет. Ему не нужен ошейник. Я прорезал для него дырочки. Он дышит, – серьезно сказал Толик.

– Бе-дный, – ласково протянула она, – ему там жарко.

– Отнюдь. Тоша очень неприхотливый. Кушает мало, спит у меня в ногах...

– Брр.

– ...Единственная забота – раз в две недели купать его и натирать «Пемоксолью». А то он потеряет естественную зеленую окраску.

Она рассмеялась:

– А вы-то сам кто такой? По Африкам разъезжает... У-уу...

– О, я чрезвычайного известного человек. Играю на кларнете в битгруппе ЖЭКа. Изучаю языки хинди и суахили. Постоянно самосовершенствуюсь. Читаю по ролям Гомера и Марио Варгаса Льюиса... Зовут меня, кстати, Толик. То есть нет, Саша.

Она внимательно посмотрела на него. Толик испугался разоблачения и быстро спросил:

– А вы? Расскажите мне о себе...

Было темно, когда они подошли к ее подъезду. Только по

гаснущим окнам многоэтажек можно было понять, что уже совсем поздно. В подъезде горел желтый казенный свет и было тихо, только подвывал на этажах лифт, в котором ездили уборщицы – мыли лестницу.

Ее легкая рука лежала в его руке.

– До свиданья, – шепотом сказала она.

– Пойдите, – сказал он и наклонился к ней. Их горячие лица соприкоснулись.

– Не уходи, – как в бреду шепнул он.

Она обхватила его руки.

– Поздно... Пора. Мама... Меня ждет мама... Нет, не уходи. Иди сюда.

– Ми-лая...

Они стояли, обжигаясь друг другом, у холодной подъездной стены. Они не замечали, как проходило время.

Потом она сняла руки с его плеч, жаркая, растрепанная, запрыгнула на ступеньку и, покачавшись на одной ножке, сказала:

– Ты знаешь, я не Лена. Только ты не теряй свою естественную зеленую окраску. Я случайно подслушала ваш разговор с настоящей Леной. Телефонная станция, верно, ошиблась... И я пришла. Посмотреть на вас... Я побежала. Пока.

Он не успел шагнуть к ней, когда она, поцеловав его, угловатыми движениями взбежала на ступеньки, а потом еще выше, на второй этаж.

Ее шаги гулко отражались в подъезде, потом звонок, голоса, и хлопнула дверь.

Толик вышел на улицу. Холодный воздух. Его лицо горело от ее губ.

Прохожих не было.

Когда Толик проходил мимо афиши, где они встретились, там стоял одиноко парень. Высокий, мускулистый, бархатный, он печально держал хрустящий букет гвоздик.

Толик подошел к нему и сочувственно спросил:

– Что, не пришла?

Парень горько покачал головой.

– А как же с крокодилом?

– Подохнет, очевидно, – серьезно и скорбно ответил парень.

1978

Тест

После ужина мужчины перешли в гостиную. Кофе, сигареты, расстегнуты пиджаки, полураспущены галстуки.

Дима сразу же заговорил о женщинах.

– Благородные сеньоры, не желаете ли вы услышать новую теорию, как надо выбирать себе невесту? – спросил он, откидываясь в креслах. – Маленький такой тестик.

– Желаем, – сказал Леха.

– Давай, давай!.. – завопили все.

– Это очень просто. Никаких затрат. После знакомства вы приводите ее в незнакомую обстановку. Лучше к себе домой. И наблюдаете за ней. Весьма осторожно. И делаете выводы.

Бросится к зеркалу – значит, ветреница, считает себя красавицей. Пойдет на кухню – домовита, хорошо готовит. Начнет смахивать пыль, наводить порядок – хозяйственна, чистоплотна. Станет разглядывать ваши бумаги на столе – любопытна. Пойдет к книжным полкам – умна, начитанна, интеллектуальна... Ну и так далее. Простейший тест.

– Ну, и свою Катю ты выбирал по тому же принципу? – сразу спросил чрезвычайно заинтересовавшийся Миша.

– Да, конечно.

– И что же она стала делать?

Дима загадочно улыбнулся.

– Пошла на кухню?

– К книжным полкам?

– В ванную?

– Нет, ребята, не угадаете. Она просто тихо села на диван и не отрываясь смотрела на меня большими и нежными глазами, и когда я ходил по комнате, голова ее поворачивалась за мной, как подсолнух.

1981

Скромность

Мы вошли в лес. Момент благоприятствовал. Робость бы-

ла смята и отброшена.

– Послушай, я давно хотел тебе сказать, – пробормотал я.

– А вот ландыш! – вскрикнула она и бросилась к растению. – Он еще не цветет. Они зацветают в конце мая. Но у нас обычно только в июне... – И она принялась мило щебетать о цветах.

Через полчаса я вклинился в паузу.

– Знаешь, когда ты рядом, у меня такое чувство, что...

– Белка, белка! – закричала она, очевидно не слушая. – Смотри – она линяет. Хвостик какой реденький. Ну что, маленький, кушать хочешь? Нет у нас семечек, нету...

Лес скоро кончился. Вышли на шоссе. Цветов и белок здесь не наблюдалось, и я предпринял еще одну попытку.

– Возможно, ты не поверишь, но я тебя очень...

– «Пежо»! Смотри же – спортивный «Пежо»! Новая модель. У, скоростища!

Скоро мы подошли к ее дому. Она меня пригласила.

Я, естественно, согласился. Лифт. Двери. Комната пуста. Нежно взял ее за руку.

– Ты можешь решить мою судьбу. Или...

– А вот Фолкнер, – сказала она, подходя к полкам. – Интересный писатель. Типичный представитель американского романа...

Я в сердцах отвернулся, затем начал быстро прощаться.

У дверей она сказала:

– Я чудесно провела время. Ты позвонишь еще?

Я посмотрел мимо, на старинный гардероб.

– А вот шкаф. Викторианский стиль, эпоха рококо. Типичный представитель романтизма. В таком же у меня лежат Фолкнер и чучело белки. До свиданья.

1981

Противоядие

Я – ученый. Не крупный, но маститый. И целый день я слышу от своих подчиненных:

– Андрей Ильич, ваше глубокое понимание материала...

– Ваше превосходное умение строить гипотезы...

– Ваш необыкновенно широкий кругозор...

– Ваш редкостный талант руководителя...

– Ваше мастерство педагога...

Все, вплоть до секретарши, твердят:

– Ваше личное обаяние... Ваш тонкий ум... Высокий лоб...

Чудный костюмчик... Проницательные глазки...

И под вечер мне начинает казаться, что я одарен, как Эйнштейн, и мудр, как Сократ, что я талантлив, как Галуа, и обаятелен, как Бельмондо.

Тогда я выхожу в коридор института и начинаю расхаживать по нему, покуривая и разбрасывая вокруг себя пепел.

Скоро появляется уборщица Настя и начинает злобно шваркать шваброй, приговаривая при этом сквозь зубы:

– Ишь, расходился тут, кривоногий... Цельный день чай в кабинете распивает. Бумажки перекладывает. Думает, мол. Да разве с такой рожей чего придумаешь... Каклет налопался, идол, теперь по коридору шлындарит...

Я улыбаюсь и ухожу.

Ежедневное противоядие от подхалимажа я принял.

Уборщица Настя помогает мне не зарываться.

1982

Враль

Саша врал вдохновенно. Да и чем он, собственно, мог покорить ее – не внешностью и уж, во всяком случае, не остроумием.

– ...Сидим мы с Андрюхой, пьем шампанское. Тут входит Вова, говорит: «Рванули в «Прагу»?» Рванули.

– А Андрюха – это кто?

– Макаревич.

– А Вова?

– Пресняков.

– ...Гарик мне говорит: «Тебе, старик, мат в семь ходов».

А я ему: «На третьем ходе жертвую туру, тогда тебе крышка!»

– Гарик – это...

– Каспаров.

– ...Тут Андрюша кончил читать стихи, я ему: «Отлич-

но! Ты изумительно пишешь». А он: «Ты мне тоже всегда нравился, старик». Мы расцеловались, он познакомил меня с Женей, тут как раз Булат подошел...

– А это кто?

– Вознесенский, Евтушенко, Окуджава...

Когда Саша сделал ей предложение, она сморщила носик и сказала:

– Хорошо. Но с условием – на свадьбу ты приглашаешь всех своих знаменитых знакомых.

– Зачем? – забормотал Саша. – Они занятые люди, многие в поездках заграничных...

– Разговор короткий, – отрезала она, – если их не будет, то и свадьбе не бывать.

Что оставалось делать Саше? Только надеяться на чудо.

Но...

Платье невесте шил Зайцев. На свадьбе демонстрировал фокусы Акопян. Гимн новобрачным пел Боярский.

Бельмондо показывал приемы карате официантам. Невеста была в восторге.

Когда гости расходились, они обнаружили у дверей заплаканного Адриано Челентано. У него не было приглашения, и его не пустил стоявший на часах комиссар Каттани.

Только любовь способна творить такие чудеса!

Неудачный ребенок

Продавец Палуев вошел в вестибюль родильного дома и направился к окошку справок.

– Скажите, – робко спросил он, – как Настя Палуева? Она еще не родила?

Справочная девушка парилась в бумагах и казенным голосом сказала:

– Поздравляю. У вас – девочка. Вес – три кило двести, рост – 48 сантиметров. Состояние хорошее.

Палуев озабоченно улыбнулся. Отошел, почесал в затылке, потом опять приблизился к окошку.

– Девушка, – сказал он, – а нельзя ли заменить? Понимаете, мне не очень подходит размер.

– Кого заменить?

– Ну, девочку. Размер уж больно маловат. Мне хотя бы грамм на триста больше и длиннее сантиметров на пять...

– Вы что, товарищ, ненормальный?

– Я понимаю – трудно. Но, может, вы поищите? На складе или на базе? Вдруг завалилась?

– Вы шутите?

– Ах, да какие шутки... Вы знаете, вообще-то мы с Настей хотели мальчика. Чтоб был такой Васька, бутуз, с голубыми глазами. Я б с ним в походы ходил, плотничать научил бы... Может, сделаете? Мне не к спеху. Я могу и в конце месяца

зайти.

– Отойдите, гражданин. Бред какой-то несете, – и девушка сердито зашелестела бумагами.

Палуев вздохнул и участливо спросил:

– Что, тяжело? Много брака? Я ведь, в случае чего, могу и с нагрузкой взять. Вы не сомневайтесь. Лишь бы парень был, 3700 или 3500, на худой конец.

Тут в вестибюль упругим шагом вошел еще один посетитель.

– Ирочка, ну что, все в порядке? – интимно спросил посетитель, пригибаясь к окошку.

– В порядке, – улыбнулась девушка. – У вас мальчик. 3800, рост – 58.

– Глаза голубые?

– Голубые.

– Огромное спасибо, милая. Я вам так благодарен!

Посетитель протянул девушке огромную коробку конфет и пошел к выходу, сочась благополучием.

– Господи, и всего-то за одну коробку... – прошептал Палуев и, стиснув зубы, зашагал к ближайшей кондитерской.

Кто нашел часы?

*(Подсмотрено на доске объявлений
в студенческом общежитии)*

Кто нашел часы в умывальной комнате (дамские, позолоченные) – просьба занести в комнату 646.

* * *

Найдены часы (дамские, позолоченные). Можно получить их в комнате 117.

* * *

Товарищ, обнаруживший часы!

Ради бога, извините, все время страшно занята: лекции, семинары, секция фигурного катания, абонемент в «Иллюзион»... Ужас!.. Зайдите, пожалуйста, ко мне сами.

* * *

Прекрасная незнакомка!

Как же вы обходитесь без часов, бедная? Знаете, я ведь тоже очень занят. Сессия на носу плюс новая программа

в агитбригаде... Давайте сделаем так: напишите мне, когда вы свободны, и я приду к вам с часами. Кстати, меня зовут Игорь. А вас?

** * **

Игорь!

Я свободна во вторник, с восьми вечера, и в воскресенье с двух дня. Меня зовут Юля. Я очень благодарна, что вы уделяете мне так много внимания. Еще раз извините.

** * **

Юля!

У меня созрела потрясающая идея: приходите во вторник ко мне, в комнату 117. Вы заберете часы, а я угощу вас чаем. Кстати, мама привезла мне вчера обалденный пирог с клубникой. Приходите! Я буду вас ждать.

** * **

Игорь!

При прощании я растерялась и не поблагодарила тебя за приятный вечер. Так вот – спасибо.

* * *

Юленька!

Достал по случаю два билета в Театр на Таганке.

Буду тебя ждать завтра, в пять часов, у института.

Спектакль – «Мастер и Маргарита». Жду!

* * *

Милая, дорогая, любимая Юля!

Я сказал тебе все, что хотел сказать. И вот мы простились, я в своей комнате, а сердце полно тобой. Так хочется повторять снова и снова: я люблю тебя. Так хочется, чтобы весь мир узнал: я люблю тебя. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! Завтра я повешу этот листок на доске объявлений, нашей доске. Не кори меня за сумасшедшую выходку: это только от любви к тебе.

* * *

Юлия Солнцева и Игорь Стекольников сообщают о своей свадьбе и приглашают желающих поздравить 2 июня в 18 часов в комнату 117.

* * *

Товарищи студенты!

Не оставляйте свои часы и другие носильные вещи в местах общего пользования. Учтите, что это может привести к самым неожиданным и неприятным последствиям.

Комендант.

1982

Буркин и море восхищения

Начальник отдела Буркин писал юмористические рассказы.

Он зачитывал их на работе, и все смеялись и бурно выражали свое восхищение. Потому что Буркин был начальником отдела.

Однажды он принес рассказ литконсультанту Коршун-Ястребовскому. Тот тоже выразил ему свое восхищение, потому что тесть Буркина был слесарем в автосервисе.

Тогда Буркин отдал рассказы редактору Черкалову, и тот, в свою очередь, выразил свое восхищение. Потому что жена Буркина была завотделом магазина «Тысяча крупных вещей».

Рассказы издали, и критик Варанский написал статью, в которой несколько раз выражал свое восхищение. Потому что Буркин угостил Варанского восхитительным ужином в ресторане «Перо».

После этого Буркин стал известен и даже начал вести семинар молодых юмористов. В семинаре занимаются Иван Петрович, Владлен Давидович и Зоя Филипповна. Они по очереди читают свои рассказы, и Буркин всем им выражает свое восхищение. Потому что Иван Петрович – брат литконсультанта Коршун-Ястребовского, Владлен Давидович – сын редактора Черкалова, а Зоя Филипповна – жена критика Варанского.

1982

Золотые руки

«В этой семье явно не хватает мужского начала, – думал Слава Козырев, следуя с воскресным визитом в дом к любимой девушке Гале. – Это надо использовать. Она должна понять: с мужчиной лучше, чем без него».

Прибыв в квартиру, Слава сдержанно и с достоинством поздоровался с Галей, а затем последовательно с ее мамой, ее бабушкой и ее сестрой.

Галя провела Славу в свою комнату. Слава оценивающе огляделся.

– Осваивайся, – сказала Галя, – я сейчас.

И вышла.

Слава тут же кошачьим шагом подошел к магнитофону, конспиративно оглянулся, залез в его внутренности и что-то там открутил. Потом бросился к телевизору и вырвал из него предохранитель. А потом двинул ногой по ножке книжного шкафа – так, что шкаф грузно заскрипел и перекосялся.

Покончив с этим, Слава удовлетворенно опустился в кресло.

Вошла Галя.

– Скоро будем обедать, – сообщила она. – Как дела в институте?

– Давай лучше послушаем магнитофончик, – фальшивым голосом предложил Слава.

– Как скажешь.

Галя щелкнула кнопкой. Магнитофон не работал.

– Не работает, – весомо констатировал Слава. – Быстро носи мне отвертку, плоскогубцы, пассатижи.

Галя покорно принесла инструменты.

– Отвертку. Держи здесь. Теперь здесь, – коротко командовал Слава. Он быстро входил в роль хозяина. – Включи пока телевизор. Там «Утренняя почта».

– Ой, а он тоже сломался...

– Починим. Дойдет и до него очередь, – сквозь зубы бросил Слава. – Так, магнитофон сделал. Будет работать, как часы. Тебе повезло. Еще бы два часа промедлила, и все, пиши пропало. Приворачивай крышку, я займусь телевизором.

Галя неумело принялась завинчивать винты, а Слава деловито подошел к телевизору, сделал над задней крышкой несколько пассов, вставил предохранитель и щелкнул выключателем.

Телевизор заговорил голосом Юрия Николаева.

Слава потер руки, мимоходом поправил, слегка крякнув, перекошенный шкаф и уселся в кресло. Развалился, откинулся. Устало, по-мужски, по-хозяйски...

Галя посмотрела на него очень нежным, очень преданным взглядом. Потом подошла и присела на ручку кресла.

– Милый, – ласково сказала она, – я там белье замочила. Может, простирнешь?

1982

«Хотя видит иначе...»

– Знаешь, иногда думаю, – вдохновенно говорил он, склоняясь над ней, – что другие люди видят все не так, как я... Вот лист. Я вижу его зеленым. А для другого он – красный. Но все говорят – листья зеленые. И другой это повторяет, хотя видит иначе. Или этот асфальт, черный от дождя, лоснящийся. Кому-то он кажется белым. Но люди условились называть его черным... Ужасную чепуху болтаю?

– Нет, не ужасную, – сказала она.

Ей хотелось зевнуть, но она понимала, что этого делать не следует.

Он проводил ее, потом ехал домой, и перед его внутренним взором стояли только ее огромные голубые глаза, и губы ее, и маленькие нежные ручки. Ничего больше он не видел и с ласковой улыбкой перебирал в уме подробности свидания.

А она видела иначе: у него хорошая квартира и очередь на машину, он неплохо зарабатывает; он не пьет, не курит, наконец, он любит ее, и, стало быть, она может делать с ним все, что захочет.

Она все видела иначе.

1981

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

– Дело такое, Дмитрий Львович, – несколько смущенно проговорил директор НИИ «Природоведение» Курдюков, человек интеллигентнейший, мягкий, – жалуются на вас сотрудники.

Слонимов, начальник отдела мозолоногих, усердно ел глазами директора.

– Да вы садитесь, Дмитрий Львович, – устало махнул рукой директор. Слонимов сел по стойке «смирно». – Сетуют: грубите вы подчиненным. Кричите на них. Ногами топаете. Нельзя же так, голубчик... Хочу посоветовать вам: проявляйте побольше демократизма. Вас должны не бояться, а уважать... Будьте с людьми поласковее. Поговорите с ни-

ми о чем-то общечеловеческом. О футболе, например. Спросите, как здоровье. Похвалите новое платье... Хорошо? Ну, идите, голубчик.

Слонимов кивнул, повернулся и вышел.

Слонимов был человеком дела и все, что говорил директор, понимал как непосредственное указание. И сейчас, следуя к себе, он уже намечал план действий.

На лестничной площадке Слонимову встретился самый робкий, самый забитый его сотрудник Шуршанчиков. Шуршанчиков курил, печально глядя в окно.

«Ага, на ловца и зверь бежит», – подумал Слонимов. Он тихо подошел к Шуршанчикову и громовым голосом опросил:

– Что, проиграл «Спартак»?

Шуршанчиков вздрогнул от начальственного баса и выронил сигарету.

– Да... вот... травмы... – пробормотал он.

– Травмы... – презрительно протянул Слонимов. – Почему Гаврилов не забил в пустые ворота? Почему, я вас спрашиваю?!

Шуршанчиков растерялся. Вид у него был такой испуганный, словно это он, младший научный сотрудник Шуршанчиков, лично держал Гаврилова за ногу в штрафной площадке.

– Играть надо! – рявкнул Слонимов. – Лучше играть!!!

У Шуршанчикова задрожали руки.

– Да я... – стал оправдываться он.

Слонимов брезгливо отстранил его и прошел в свой кабинет.

Сев за стол, он пометил на отрывном календаре:

– футбол

– здоровье

– новое платье

и против пункта «футбол» поставил жирную галочку.

– Далее! – снял телефонную трубку. – 2–74!.. Черт, занято! 2–68!.. Вагонетко мне!.. Куда вышел? Вечно он где-то шляется! Найдите его, да поживее, поживее!.. Вагонетко? Слушайте, как ваше здоровье?.. Что? Говорите громче, у вас что, полипы? В порядке здоровье? Коклюшем, ветрянкой не страдаете? Энцефалит прививали? Ну, хорошо, голубчик, – «голубчик» Слонимов произнес тоном, каким обычно выговаривают «сукин сын».

Слонимов поставил вторую галку и прислушался к своим мыслям.

Нет, удовлетворения не было. Было раздражение. Раздражал медлительный Вагонетко, робкий Шуршанчиков, раздражало нелепое поручение директора. Чтобы поскорей развязаться с этим, Слонимов, досадливо морщась, снова накрутил диск.

– 3–17! Юркину ко мне, быстро!

Через три минуты в кабинет вошла Юркина. Она была вся сжата, как пружина, в ожидании обычного начальниче-

го гнева. Слонимов угрюмо барабанил пальцами по столу.

– Так. Платье, – оценивающе оказал он. – Ну-ка, опустите руки!.. Теперь повернитесь! Пройдите к двери! Платье красивое. Я вас поздравляю.

– Дмитрий Львович, – дрожащим голосом сказала она, – вы вправе меня уволить... но никто не давал вам права издеваться надо мной!.. – В глазах ее появились злые слезы, она опустила голову, но справилась с собой и выкрикнула: – Я заявлю в местком!

Это было последней каплей в чаше Слонимова.

– Ах, вот вы как? – тихим предгрозовым голосом начал Слонимов. – Не понимаете человеческого отношения... и забываетесь, – голос постепенно переходил на «форте», – и смеете говорить начальнику... такие вещи!.. Молчать!!!

Слонимов трахнул о стол мраморную пепельницу и с белыми от гнева глазами, не помня ничего, подскочил к Юркиной и неожиданно для себя укусил ее в плечо. Юркина растерянно вскрикнула и лишилась чувств. На шум сбежались испуганные сотрудники.

...Врачи выносили кандидата биологии Юркину. Ей, правда, пришлось пролежать месяц в больнице и выдержать сорок пастеровских прививок. А вот карьера начальника отдела мозолоногих Слонимова повернула к закату. Его сняли с должности и отправили на Памир отыскивать ископаемый вид мозолоногих. На третью неделю экспедиции, во время перехода через перевал Ниш-Тяк, Слонимов отстал от ос-

новной группы. Проводники, которым Слонимов порядком надоел своими бесконечными разносами, не особо рьяно его разыскивали. В институте «Природоведение» его посчитали пропавшим без вести, ханжески повздыхали, да вскоре забыли.

Впрочем, ходили слухи, что Слонимов выжил в высокогорье, приспособился к суровым условиям, оброс волосами, обитает в берлоге и питается сырым мясом.

А среди местных жителей бытует легенда о грозном Хозяине Перевала. Иногда пастухи видят на снегу отпечаток босой ноги, а когда случается им слышать в горах дикий, леденящий душу рев, они уважительно покачивают головами и говорят с почтением:

– Сердится начальник.

1982

Крепкий выпускник

25 февраля. Заведующий кафедрой лично занялся моим распределением. Сегодня он при мне позвонил директору проектного института, доктору наук:

– Семен Петрович?.. Здравствуй. Хочу подкинуть тебе парня из нового выпуска. Сильный студент, знающий. Очень крепкий выпускник.

Слушать это было приятно и немного неловко. Не слишком ли большая честь? С другой стороны, разве много най-

дется студентов, опубликовавших, как я, три статьи в научных журналах?

Завкафедрой проводил меня до двери. Сказал: «Трудитесь, коллега», – и крепко пожал руку.

1 марта. Выхожу на работу. Наконец-то настоящее, серьезное дело. Кстати, надо взять в библиотеке книжку Дрейфуса и повторить программирование. И еще – всерьез заняться английским... Надо оправдать доверие.

2 марта. Начальница отдела кадров моего НИИ приняла меня радостно:

– Чудесно, что вы к нам пришли! Просто чудненько! А то, знаете, у нас организация в основном женская. Им в инженерном деле тяжело.

С чувством пожала мне руку. Рука у начальницы сильная. Видно, много занимается спортом. Я даже поморщился.

– А мне говорили, что вы крепкий... – несколько разочарованно сказала начальница.

3 марта. Вышел на работу. Подношу каменщикам кирпичи. Строим новый корпус нашего института. В общем-то, не обидно. Для себя стараемся.

10 марта. С Эдиком Крекингом, тоже молодым специалистом, много играем в шахматы, сидя на мешках с цементом. Поддерживаем интеллектуальный потенциал.

29 марта. Очко – гораздо увлекательнее.

4 апреля. В НИИ показали мой рабочий стол. Жаль, не удалось за ним посидеть: прорыв на подшефной овощной ба-

зе.

28 апреля. Восемь раз поборол Эдика на руках. Хиляк он. Слабак. Заставил его съесть вилок сырой капусты. Вот потеха была!

25 мая. Начальница кадров с уважением пощупала мои бицепсы. Поставила задачу: срочно отвыкнуть от выражений, которых набрался на овощной базе. Завтра еду в пионерский лагерь. Не хватает вожатых.

17 июля. Со своими парнями из второго отряда мазал девчонок зубной пастой. Здоровски было! Чуть животики не надорвали от смеха.

2 сентября. Теперь я в колхозе. Никак не вспомню, какую фигуру мне напоминает картофелина. Как же это называется? Кругляшок? Шарик?

18 сентября. Вспомнил: эллипсоид.

15 октября. На конференции молодых специалистов. Очень неудобно сидеть, голова все время падает на грудь. И еще сосед слева жалуется, что громко стучу сапогами (я сюда прямо из колхоза). А у самого-то!.. Вся телогрейка силосом пропахла.

16 октября. Первую премию на конференции дали Эдику Крекингу. Он решил квадратное уравнение и вспомнил, чему равен корень из 100. Надо достичь его уровня хотя бы к Новому году. Вот вернусь в колхоз, буду час в день уделять арифметике...

(На этом связные записи обрываются. Начинаются про-

писи: «У Павлика была собака», «Мама мыла раму» и пр.)

1982

Хоть на край света

- Когда, когда, когда я смогу видеть вас? Умоляю. Моему чувству нет границ...
- Что вы! Это невозможно... Пустите!.. Давайте завтра.
- О, как вы милосердны!.. Вы дарите мне надежду. Где? Скажите – где?
- А вы не боитесь трудностей, препятствий?
- За вами я готов хоть на край света!.. Хоть на Луну!
- Я буду ждать вас у себя дома.
- О, прелестно!
- Я живу в микрорайоне Барбосово, Шестая Керамическая, дом 23, корпус 6А дробь 115 «бис», квартира 8931.
- Расскажите дорогу, милая. Осветите мой путь лучами яркой путеводной звезды...
- Доедете до станции метро «Гребной бассейн»...
- Там вы живете?
- Какой вы нетерпеливый! Там начинается очередь на 895-й автобус. А кончается она у станции метро «Гносеологическая». Вы сядете на автобус и проедете восемнадцать остановок. Дальше автобус не идет...
- А-а, конечная!
- Нет, дальше у нас лужица. Небольшое такое озерцо. Там

у нас ходит паром, как от Тамани до Керчи, знаете? Мы его построили своими силами. Сойдете с парома, а здесь у нас недалеко, километров пятнадцать. Увидите поле, там будут всякие трубы, плиты, кирпичи, ящики. Сначала вам надо идти между плитами и ящиками. Только, ради Бога, не забудьте с собой компас и не пугайтесь криков – по вечерам у нас там воют... Первопоселенцы, знаете. Те, что не выбрались... Потом – труба. Влезете в нее и проползете метров двести пятьдесят. Когда забрезжит, выбирайтесь. Это будет улица имени Пуска Мартена. Можно считать, почти добрались. Что с вами?

– Что-то голова кружится... Знаете, я, наверно, завтра не выберусь. К врачу надо, совсем забыл.

– Ничего, я напою вас чаем с малиной. Слушайте. После трубы возьмете болотный шест – их у нас выдают напрокат – и пройдете два квартала до моего дома. Там увидите много мостиков...

– Вы, стало быть, как в Венеции...

– Что вы, ха-ха-ха, вы нам льстите. Просто прорвало трубы и разлилась канали...

– До свиданья.

– Куда вы?.. Стойте!

– Я очень спешу.

– Вы же обещали за мной хоть на Луну!.. – жалобно крикнула ему она вслед.

– Так то на Луну! – буркнул он, убегая.

Счастличик

Нашему однокурснику Сене Пташкину очень не везло в любви. Однажды он назначил свидание Леночке Светловой из параллельной группы. Но у Сени не было теплых носков, поэтому он простудился и на свидание не пошел. После этого ему было стыдно смотреть в глаза Леночке.

Через месяц он договорился о встрече с продавщицей Аллой. В день свидания он порвал брюки. Зашивая их на себе, он весь искололся иглой и на свидание не пошел. Алла была очень огорчена и встречаться больше не пожелала.

Когда боль утихла, Сеня назначил randevu медсестре Марине. В день свидания он готовил себе котлеты, обжегся сковородой и на свидание не пошел.

Марина стала презирать его.

Неожиданно мы узнали, что Сеня женился – на чудной девочке Ларисе.

Теперь Лариса вяжет ему носки, штопает брюки и жарит котлеты.

Так что Сеня сейчас вполне свободно может бегать на свидания. Но ему теперь этого не хочется.

Фрида, скажи Рите

У нас, в отделе Координации пертурбаций, работает пять человек. У каждого на столе стоит телефон. Я, как самый молодой сотрудник, еще не телефонизирован.

Моя работа – размышлять, думать, составлять программы для ЭВМ. Наш шеф, сидящий в отдельном кабинете, сказал как-то, что возлагает на меня большие надежды.

С утра, когда первые лучи светила проникают в мрачные казематы нашего учреждения и со стройки напротив раздастся в громкоговоритель первая скороговорка: «Прораб Корабов, пройдите в прорабскую!» – я сажусь читать научный отчет.

«Рассмотрим уравнения первого приближения при отбрасывании членов разложения», – продираюсь я сквозь сложный текст. Первые две страницы идут хорошо, я все понимаю. Голова чистая, ясная. Но так продолжается недолго. Скоро снимается трубка. В телефон начинает мерно гундеть секретарша Леночка.

– Институт «Гидроведро»? Примите телефонограмму. В ответ на ваш двенадцать – сорок два сообщаем, что список насосных станций дан с включением в него Котласа, то есть без его учета. Подпись – Сегментов. Передала Пфедферер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.